
Шарлотта Эйзинберг
Хозяйка ледяного фьорда

Шарлотта Эйзинберг
Хозяйка ледяного фьорда

https://litres.ru/74747853
SelfPub; 2026

Аннотация

В прошлой жизни я была главным технологом завода и знала, как управлять самым сложным производством. А теперь очнулась в теле вдовы викинга на самом краю промёрзшего фьорда, где царят дикие нравы и вечный холод.

Брат погибшего мужа выгреб из деревни всё подчистую: скот, оружие, корабли и здоровых мужчин, оставив кучку женщин, калек и стариков подыхать от голода в качестве «подношения» грядущим морозам. Они уверены, что мы не переживем Фимбулвинтер.

Вот только умирать в мои планы не входит.

Мы переложим очаг по законам физики, сварим мыло из золы и прогорклого сала, остановим цингу хвойным отваром и наладим промышленный подлёдный лов.

Выживание — это не чудо и не милость богов. Это правильная производственная линия. И я запущу её назло всему суровому северу.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 31
Глава 6 38
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Шарлотта Эйзинберг
Хозяйка ледяного фьорда

Глава 1

Я провела пальцем по металлической поверхности промышленного тестомеса и тяжело вздохнула. На белой латексной перчатке остался едва заметный, но маслянистый след.

— Семёнов, — позвала я, даже не оборачиваясь. Мой голос эхом разлетелся по огромному цеху. — Ты мне объяснишь, почему третья линия снова не прошла санитарную обработку по ГОСТу?

Семёнов, начальник смены, замялся где-то за спиной. Я знала все его отговорки наизусть. Сломался дозатор, не успели, поставщики привезли не ту щелочь. Но пищевое производство — это не место для фантазий. Это строгая химия, физика и микробиология. Одна грязная деталь и тонна высокобелковых батончиков, которые мы запускали в производство, отправится на помойку, потому что там заведётся плесень. А я, как главный технолог, не собиралась отвечать за чужую халатность.

Я сделала глоток остывшего декафа из картонного стаканчика. Терпеть не могла вкус кофе без кофеина, но от обычного эспрессо сердце колотилось так, что уснуть потом было совершенно невозможно.

— Чтобы через час всё блестело, — отрезала я, стягивая перчатки и бросая стаканчик в урну. — И проверь температурный режим в пятом холодильнике. Там датчик барахлит.

Я развернулась и пошла вдоль длинного ряда новеньких деревянных стеллажей, которые только вчера собрали для хранения тары. Рабочая смена подходила к концу. Мозг уже привычно переключался с промышленных масштабов на домашние: заехать в супермаркет, купить землю для комнатных цветов, которые я пыталась вырастить на подоконнике, может, испечь пирог, просто для себя.

Я прошла мимо погрузчика, когда услышала странный, скрежещущий звук. Металлический стон раздался где-то над головой. Я подняла взгляд. Огромный, недокрученный рабочими стеллаж с тяжёлыми поддонами вдруг накренился. Время словно замедлилось. Я увидела, как вырывается хлипкое крепление, как тонна дерева и плотного картона летит прямо на меня.

Я даже крикнуть не успела. Просто резкий удар, вспышка ослепительной боли…и абсолютная, глухая темнота.

Темнота не отступала, но она изменилась. Она стала пронизывающе холодной. И она неприятно пахла. Запах прогорклого жира, застарелого пота, мокрой овечьей шерсти и невероятно едкого, удушливого дыма ударил в нос так резко, что я судорожно закашлялась. Горло обожгло, словно я глотнула кислоты.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались свинцовыми. Под спиной было что-то жёсткое и колючее. Никакого больничного матраса, никакого размеренного писка медицинских приборов. Я лежала на чём-то, отдалённо напоми-

нающем прелую солому, накрытая жёсткой, вонючей шкурой.

— Хвала Богам, очнулась, — раздался хриплый, надтреснутый женский голос где-то совсем рядом.

Кто-то грубо приподнял мою голову и прижал к губам выдолбленную из дерева плошку. В рот полилась мерзкая, ледяная вода с привкусом тины и золы. Я отплёвывалась, кашляла, и наконец смогла разлепить слезящиеся глаза.

Надо мной склонилась женщина. Её лицо, испещрённое глубокими морщинами, было измазано сажей, а из-под грязного грубого платка выбивались редкие седые космы

— Пей, госпожа Ингрид. Пей. А то сляжешь, как твой муженёк, и мы все тут перемрём до середины зимы.

Ингрид? Какая Ингрид?

Я попыталась сесть, и голова взорвалась глухой болью. Но вместе с болью в мозг хлынула чужая память. Яркая, чужеродная, как непрошеный фильм, включенный на полную громкость.

Ингрид. Двадцать лет. Дочь конунга, которую отдали замуж за сурового хёвдинга Эйрика, владевшего землями на самом краю дальнего ледяного фьорда. А семь дней назад драккар Эйрика разбился о скалы во время шторма. Брат мужа забрал лучшее оружие, крепких рабов, здоровый скот и уплыл на юг, бросив молодую вдову в старом доме. Оставил ей кучку калек, стариков и женщин. Бросил выживать. Или, скорее, умирать, потому что зима уже скалила зубы у порога,

а запасы были смехотворны.

Я сжала виски ледяными пальцами. Руки... Это были не мои руки. Тонкие, побледневшие, с обломанными ногтями…

Паники не было. То ли чужой мозг милосердно блокировал истерику, то ли сработала моя многолетняя привычка инженера-технолога: если на производстве авария, кричать и плакать бессмысленно — нужно перекрывать вентили и спасать линию.

Я огляделась. Пространство, в котором я находилась, назвать домом можно было лишь в бреду. Это был огромный, длинный сарай, сложенный из почерневших брёвен и дёрна. По центру, прямо на земляном полу, горел длинный открытый очаг. Дым от него не уходил в дыру на крыше, а стелился сизой, ядовитой пеленой по всему помещению. От этого дыма слезились глаза, а в груди стоял постоянный, надсадный кашель.

Вдоль стен, на сколоченных лавках, жались друг к другу люди. Человек двадцать или тридцать. Истощённые, грязные, в серых лохмотьях. Кто-то стонал в бреду, кто-то тупо смотрел на огонь. В углу с хрипом заходился в кашле ребёнок.

— Почему такой дым? — мой голос прозвучал сухо и незнакомо. Он был моложе и звонче.

Старуха, всё ещё державшая плошку, опешила.

— Так ветер с фьорда сменился, госпожа, — прошамкала

она, нервно теребя край засаленного фартука. — Задувает обратно в дыхник. Боги гневаются на нас, проклятое это место.

— Боги тут ни при чём, тут в другом проблема. Холодный фронт давит, тяги нет, — пробормотала я себе под нос, скидывая тяжёлую шкуру.

Холод вцепился в плечи мгновенно. На мне было простое льняное платье и колючая шерстяная накидка, которая совершенно не грела. Я заставила себя встать. Ноги дрожали, но держали.

Я прошлась по дому. Это была не просто нищета. Это была антисанитария, возведённая в абсолют. В дальнем конце дома, за тонкой дощатой перегородкой, где раньше держали скот, теперь было пусто и гулял сквозняк. Но застарелый запах овечьего навоза всё ещё въедался в доски, смешиваясь с вонью гниющей рыбы, которую отчётливо тянуло снаружи.

Я подошла к очагу. Сырые дрова недовольно шипели. Они давали только копоть, а не жар.

— Кто старший по запасам? — громко спросила я.

От деревянной опорной колонны нехотя отделился мужик с густой бородой и пустым левым глазом, перечеркнутым старым, уродливым шрамом. Он тяжело прихрамывал на одну ногу.

— Я присматриваю, госпожа Ингрид. Олаф я, — он даже не склонил голову. В его уцелевшем глазу читалось откровенное, не прикрытое презрение. Видимо девочка-вдова для

сурового северянина, оставшегося без хозяина, не была авторитетом.

— Показывай, что у нас есть, Олаф, — я сложила руки на груди, полностью игнорируя его пренебрежительный тон. — Зерно, мясо, рыба. Веди в кладовые.

Олаф криво, зло усмехнулся.

— А чего там смотреть? Брат твоего мужа выгреб почти всё. Зерна три мешка, да и то подмокло, когда крыша осенью текла. Мяса нет, здоровый скот увели на юг. Рыбу солили последнюю, да соли мало было, бонды пожалели. Тухнет рыба. Мы до Йоля не доживём, госпожа. Земля промёрзла, лес пустой.

Он сказал это так буднично, словно сообщал прогноз погоды. Они уже сдались. Они просто ждали, когда холод, цинга и голод сделают своё дело, забрав их одного за другим.

Я прикрыла глаза. В моей прошлой жизни списание тухлой партии сырья означало финансовые убытки предприятия и выговор. Здесь это означало, что мы будем жрать кору или сдохнем в мучениях.

Я решительно толкнула тяжёлую дверь и вышла на улицу. Морозный воздух ударил по лёгким. Фьорд был свинцово-серым, неприветливым. У стены дома стояли деревянные бочки. Я подошла к ближайшей, сдёрнула кривую крышку и заглянула внутрь. Смрад ударил в лицо. Рыба была пересыпана солью неравномерно, верхний слой превратился в склизкую, гниющую массу.

Но я не собиралась умирать. Ни в прошлой жизни, под рухнувшим деревянным стеллажом, ни здесь, в этом промёрзшем насквозь сарае на краю света. Из прошлой жизни я знала, как сохранить и переработать любую органику, как работает ферментация, как кислота убивает бактерии и как заставить дрова отдавать тепло, а не угарный газ. Магии в этом мире, судя по всему, не было. Значит, выживать будем исключительно по законам строгой науки.

Я расправила плечи. Молодое, непривычно лёгкое тело Ингрид вытянулось в струну.

— Олаф, — мой голос разрезал дымный воздух дома, заставив притихнуть даже стонущих на лавках больных. — Бери двоих крепких парней. Вытаскивайте всё зерно на улицу, пока светит солнце, будем сушить и перебирать на плоских камнях. Бочки с рыбой вскрыть. Тухлую рыбу отделите от той, что ещё плотная. Верхний гнилой слой в компост, остальное будем спасать.

Мужик нахмурился, его единственный глаз недобро блеснул. Он тяжело шагнул ко мне.

— Госпожа, ты в своём уме? Холод на дворе! Какое сушить? Зерно сгнило, рыба пропала. Чего зря спину гнуть? Сказал же, не выживем.

Я подошла к нему вплотную. Я была ниже его на целую голову, но смотрела прямо в глаза, не моргая.

— Если ты не сделаешь то, что я сказала, Олаф, ты сгниёшь вместе с этой рыбой. У нас нет магии, и боги не спустят

нам с небес тёплый свежий хлеб. Но я знаю, как сохранить то, что есть. А теперь пошёл и сделал.

Он замер. Что-то в моём тоне, абсолютно холодном, рациональном, лишённом привычной бабьей истерики или страха, заставило его запнуться.

Я обвела взглядом свой новый дом. Коптящий очаг, больных людей, прогнившие запасы. Работы был непочатый край. Но ничего. Мы наладим здесь пищевое производство по всем правилам двадцать первого века.

Я выживу в этом ледяном фьорде. И они все тоже выживут, хотят они того или нет.

Глава 2

Олаф развернулся, тяжело припадая на больную ногу, и хрипло прикрикнул на мужиков. Я вышла следом за ним на крыльцо и скрестила, по привычке, руки на груди.

Мужики нехотя потянулись к мешкам с зерном. Один из них, тощий, с обветренным до черноты лицом, выволок мешок на улицу. Но вместо того, чтобы аккуратно рассыпать зерно тонким слоем на плоских камнях, как я велела, он просто пнул мешок сапогом. Сгнившая ткань треснула, и прелая, смердящая плесенью куча вывалилась прямо в грязный, истоптанный снег.

— Эй! — крикнула я, мгновенно сбегая по ступеням. — Что ты делаешь? Я же сказала — на камни!

Тощий мужик медленно выпрямился. Он вытер нос грязным рукавом, посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на Олафа и вдруг... хрипло, издевательски рассмеялся.

— А какая разница, госпожа? — сплюнул он прямо мне под ноги. — Оно гнилое. Мы тут все гнилые. Хочешь играться в хёвдинга — играйся, а нам спины рвать зазря не с руки.

Я шагнула к нему, чувствуя, как внутри закипает ярость. Та самая, от которой мои подчинённые вжимали головы в плечи.

— Ты как со мной разговариваешь? — мой голос зазвенел, ударившись о морозный воздух. — Собрал обратно и

сделал, как велено!

Но никто не шелохнулся.

Мужики у бочек бросили свои ножи. Женщины, вышедшие из длинного дома, застыли на пороге. Все уставились на меня. В их глазах не было ни страха, ни уважения. Только насмешка, граничащая с первобытной, глухой злобой.

— Иди в дом, Ингрид, — тяжело бросил Олаф, опираясь на лопату. — Не мешай людям подыхать спокойно.

В его голосе не было ни угрозы, ни злости. Ничего. Только глухая, непробиваемая стена безразличия, о которую вдребезги разбились все мои ГОСТы и приказы. И это равнодушие ударило меня сильнее любой пощёчины.

— Ты тут не хозяйка. Твой муж на дне фьорда, а ты просто дурная девка, которая умом тронулась от горя. Твои приказы здесь — пустой звук. Мы не будем перебирать гниль ради твоей блажи.

Они отвернулись. Все разом. Кто-то побрёл обратно в дом, кто-то сел на землю, безразлично глядя в одну точку.

Я открыла рот, чтобы рявкнуть. Чтобы пригрозить штрафом, увольнением, лишением премии... И тут же осеклась, захлебнувшись ледяным воздухом.

Слова застряли в горле колючим комом.

Штраф? Увольнение? Кого? Этих полумёртвых дикарей на краю света?

Воздух вдруг показался невыносимо плотным. Иллюзия контроля, за которую я так отчаянно цеплялась последние

полчаса, пошла трещинами.

Я попятилась. Развернулась и пошла прочь. Сначала медленно, потом всё быстрее, спотыкаясь о мёрзлые камни, путаясь в подоле чужого грубого платья.

Я добежала до самого берега фьорда, туда, где поселение заканчивалось чёрными скалами. Ветер здесь был яростным, он сбивал с ног и швырял в лицо ледяные брызги. Свинцовые, тяжёлые волны с глухим рокотом бились о берег.

Я остановилась у самой кромки воды, обхватив себя руками.

И именно здесь, под завывание ледяного ветра, мой хвалёный титановый стержень с громким, болезненным хрустом сломался окончательно.

Я не главный технолог на заводе, где меня слушались по щелчку пальцев. У меня нет ни охраны, ни контрактов, ни влияния. У меня нет ничего. Олаф прав: я — чужачка в слабом, чужом теле. Мои ГОСТы и знания из XXI века — это просто бред сумасшедшей бабы для людей, которые верят в духов и покорно ждут смерти.

Ноги вдруг перестали держать. Я осела прямо на мокрые, обледенелые камни, подтянув колени к груди.

Слёзы, которые я так старательно давила в себе с самого пробуждения, брызнули из глаз, обжигая ледяные щёки. Я зажмурилась и позволила себе заплакать. Горько, отчаянно, воя в голос, не боясь, что кто-то услышит.

Я плакала по своей прошлой жизни. По своему тёплому,

чистому кабинету. По декафу в картонном стаканчике. Я ревела от осознания своей полной, катастрофической никчёмности в этом диком, жестоком мире, который не хотел, чтобы его спасали. Он просто хотел сожрать меня.

Смогу ли я переубедить этих людей, или пойду на дно вместе с ними?

Глава 3

Слёзы закончились быстро. Ледяной ветер, хлеставший с фьорда, высушил их, стянув кожу на щеках в колючую корку. Я сидела на камнях, прислушиваясь к глухому рокоту волн, ощущая, как вместе с холодом внутрь пробирается пустота.

Жалеть себя можно было бесконечно долго, но от этого температура воздуха не поднимется, а тухлая рыбы не превратится в свежий стейк из лосося. В конце концов, на заводе я не раз оставалась один на один с поломанной линией и бригадой пьяных сотрудников. Никто не придёт и не спасёт. Да и назад я похоже уже не вернусь.

Я с трудом поднялась на негнущихся ногах. Обледенелый подол грубого платья стоял колом и больно бил по икрам. Стерев остатки слёз с лица, я развернулась и пошла обратно к длинному дому.

Олаф и остальные мужики сидели под навесом. Тощий, который пнул мешок с зерном, что-то жевал, лениво ковыряясь ножом в зубах. При моём появлении они даже не переменили поз, лишь обменялись насмешливыми взглядами. Ждали, что я снова начну кричать или уйду рыдать в угол.

Я молча прошла мимо них. Подошла к вскрытым бочкам с рыбой. Смрад ударил в ноздри с новой силой, заставив желудок снова сжаться в спазме.

Отвернувшись, я сделала глубокий вдох, подхватила с по-

ла тяжёлую пустую бадью и потащила её к берегу. Зачерпнув ледяной воды, я с трудом потащила неподъёмный груз обратно. Тяжёлая посудина больно била по ногам, а выплёскивающиеся ледяные брызги обжигали колени.

Когда я с глухим стуком опустила бадью рядом с бочками, тощий не выдержал.

— Гляньте-ка, госпожа сама в судомойки подалась, — скрипуче протянул он, выплёвывая щепку в снег. — Решила чистенькой помирать?

Отвечать не было ни сил, ни смысла. Я просто вытянула из кучи хлама ржавый нож, а второй рукой ухватила из бочки скользкую, покрытую белёсой слизью рыбину. Окунув тушку в ледяную купель, я принялась скрести лезвием против чешуи. Холодная вода должна была смыть бактериальную пленку и остановить поверхностное гниение, но пока она лишь вымораживала мои пальцы до костей.

Уже через минуту руки покраснели и перестали слушаться. Рыбина выскальзывала, словно живая. Но я упрямо сжала челюсти, продолжая остервенело тереть мерзкую тушку. На третьей или четвёртой рыбине онемевшие пальцы дрогнули. Ржавое лезвие соскользнуло с плотной чешуи и с размаху вонзилось мне в основание ладони.

Я глухо застонала, выронив нож в грязный снег. Из глубокого пореза тут же пошла кровь. Солёная морская вода, попавшая в рану, обожгла так, что перед глазами поплыли чёрные круги.

Со стороны навеса донёсся откровенный, хриплый гогот.

Стиснув зубы, я оторвала зубами полоску ткани от нижней рубахи и туго перетянула ладонь. Кровь почти сразу проступила сквозь серый лен, но это меня не остановило, и я снова взяла нож в руки.

— Если держать клинок, как веретено, то и без пальцев остаться недолго, — раздался тонкий, чуть хриплый голос.

Я вздрогнула и подняла глаза. В двух шагах стояла девушка. Худая, как жердь, в безразмерной драной куртке из овчины. Лицо серое от недоедания, губы потрескались до крови, глаза печальные и красные от усталости и бессилия.

Не дожидаясь ответа, она опустилась коленями прямо в снег. Выудила из-за пазухи свой нож — короткий, с потёртой деревянной ручкой, но явно острый. Молча вытащила из бочки зловонную рыбину и ловким, выверенным движением начала снимать слизь, перебрасывая очищенную тушку в моё ведро.

— Что ты делаешь? — хрипло спросила я.

— Если мы не будем есть, мой младший брат не доживёт до Йоля, — глухо ответила она, не поднимая головы. — Я Руна.

— Ингрид, — машинально отозвалась я, продолжая скрести свою рыбу.

Мы работали молча. Мои руки двигались на автомате, рана пульсировала тупой болью, но присутствие этой девчонки странным образом приводило в чувство, давая слабую на-

дежду, что не все люди в этой деревне поставили крест на жизни.

— Руна, — позвала я тихо, чтобы не услышали мужики под навесом. — Моя голова... после того, как разбился драккар Эйрика, мысли словно в тумане. Объясни мне. Почему брат моего мужа выгреб всё подчистую? Что у вас, то есть у нас случилось?

Руна на секунду замерла. Её нож завис над чешуей. Она скосила на меня настороженный взгляд, словно проверяя, не насмехаюсь ли. Но вид моего измученного лица и окровавленной тряпки на руке, видимо, её убедил.

— Ярл Ульф всегда ненавидел твоего мужа, — ответила она вполголоса, снова принимаясь за работу. — Эйрик был удачлив. Когда Матерь Штормов забрала его драккар, Ульф заявил право крови. По старым законам, если хёвдинг гибнет без взрослого наследника, брат забирает землю и добро.

— Но здесь же остались люди, — процедила я сквозь зубы. — Оставить поселение без припасов в зиму — это убийство. Ваш верховный правитель закрывает на такое глаза?

Девушка горько усмехнулась. Звук был похож на карканье простуженной птицы.

— Конунгу на юге нужно только серебро и моржовые клыки. Ульф забрал даже ту дань, что мы готовили для короны. Сказал, что мы всё равно не переживём Фимбулвинтер.

— Фимбулвинтер? — я нахмурилась. Слово казалось знакомым по скандинавским мифам, кажется оно означало дол-

гую зиму, предвестник конца света.

— Шаманы кидали кости на прошлой луне, — голос Руны дрогнул, она зябко повела худыми плечами. — Кости почернели. Жрецы сказали, духи льда проснулись. Эта зима будет Белой Смертью. Ульф забрал сильных, а нас... нас он оставил здесь как подношение. Чтобы откупиться от гнева мороза. Мы — жертва, Ингрид. Никто нам не поможет.

Я опустила очищенную тушку в воду и посмотрела на свои руки. Красные, воспалённые, в рыбьей чешуе и запёкшейся крови.

Жертва. Они просто оставили нас подыхать, чтобы «задобрить погоду». Это было настолько дико, настолько антинаучно и бесчеловечно, что моя застывшая внутри злость вспыхнула с новой силой.

— Боги едят дым, Руна, — тихо произнесла я, погружая руки в обжигающую воду за следующей рыбиной. — А мы едим мясо. И если этот Ульф думает, что мы тихо сдохнем во славу его выдуманных духов, он глубоко ошибается.

Девушка подняла глаза.

— Я очищу половину бочки, — сказала она, решительно перехватывая нож. — У меня пальцы ещё гнутся.

— Справимся, — я коротко кивнула, стараясь не морщиться от боли в ладони. — Как закончим, займёмся очагом. Иначе мы задохнемся в доме этой же ночью. Умирать в мои планы не входит.

Где-то под навесом Олаф громко закашлялся и смачно

сплюнул. Они всё ещё смотрели на нас. Но теперь они не особо меня интересовали. У меня появились первые рабочие руки. Производственная линия, пусть и состоящая из двух измученных женщин, была запущена.

Глава 4

Холод отнимал последние силы, вытягивая их по капле через промокший подол и закоченевшие ступни. Мы с Руной работали молча, словно два автомата на конвейере, у которых заело кнопку выключения. Ржавое лезвие скребло по чешуе, ледяная вода в бадье давно стала бурой от крови и слизи. И вдобавок ко всему моя перевязанная рука пульсировала тупой, ноющей болью при каждом движении, напоминая о недавнем порезе.

Позади скрипнул снег. Я не подняла головы, ожидая очередной насмешки от Олафа или его прихвостней, но вместо грубого мужского смеха услышала тяжёлое, астматическое кряхтение.

— Угробите вы себя, девки, — раздался скрипучий голос.

Я скосила глаза. Рядом переминалась с ноги на ногу та самая старуха, что поила меня водой с привкусом золы, когда я только очнулась в этом кошмаре.

— Дай сюда, — прокряхтела она, плотнее кутаясь в шерстяной платок. — Бабуля Рагна поможет вам. Работа от мыслей плохих отвлекает.

Я опешила, но спорить не стала. Рагна работала с пугающей скоростью. Её узловатые, больные артритом пальцы двигались уверенно, профессионально снимая испорченный слой.

— Чего застыла? — рявкнула она на меня. — Тащи чистую воду! И ты, Руна, не спи!

— Воду носить некому. Одной рукой я не смогу, — сухо ответила я, сжимая саднящую ладонь. — А Олаф своих людей не даст.

Рагна презрительно сплюнула.

— Олаф старый пень, который ждёт, когда его вороны склюют. А у меня свой оболтус есть. Кнут! — вдруг заорала она так пронзительно, что у меня заложило уши. — Кнут, щенячье отродье, а ну вылазь!

Из приоткрытой двери длинного дома высунулась лохматая голова. Парню было на вид лет шестнадцать. Длинный, нескладный, с заспанным лицом и соломенными волосами, торчащими во все стороны. Он поёжился от холодного ветра и недовольно крикнул в ответ:

— Чего тебе, бабка? Я сплю!

— Спишь?! — Рагна угрожающе замахнулась скользкой рыбьей тушкой. — Ты, дурень малолетний, драккары ярла Ульфа проспал! Все мужики молодые на юг ушли, а ты дрых, пока корабли отчаливали! А ну бери вёдра и тащи чистую воду с проруби! Хоть какая-то польза от тебя будет.

Парень покраснел до корней волос. То, что брат моего мужа не забрал его с собой, очевидно, было для него больной темой.

— Я воин, а не водонос бабский! — огрызнулся он, делая шаг назад.

— Я тебе сейчас этим ножом покажу, какой ты воин! — взвизгнула Рагна, пытаясь подняться. — Воду неси, паразит, или я тебя сегодня вообще пайка лишу!

— И принеси пару веток можжевельника, — попросила я, не отрываясь от работы.

Кнут злобно зыркнул на нас, но перечить бабке не рискнул. Подхватив два тяжёлых деревянных ведра, он сгорбился и потащился к фьорду, яростно пиная попадающиеся на пути куски льда.

Процесс пошёл в три раза быстрее. Кнут, сопя и ругаясь сквозь зубы, исправно таскал ледяную воду. Мы счищали гниль, промывали тушки и складывали их на чистые, плоские камни.

— И что теперь? — Руна вытерла лоб грязным рукавом, когда мы закончили с последней рыбиной. — Соли-то у нас нет. Если просто оставим на морозе, ветер высушит её в труху, а как чуть потеплеет сгниёт.

Рагна согласно закивала, вытирая скрюченные руки о фартук.

Мой мозг лихорадочно перебирал варианты. Сделать сублимат без правильной вентиляции не выйдет. Закоптить не получится, нет сухих дров, да и есть ли у них коптильня?

— Слушайте меня внимательно, — отрезала я, поднимаясь на затёкшие ноги и обводя взглядом нашу добычу. — Рыбу будем перебирать.

Я подошла к камням и ткнула пальцем в крупную рыби-

ну, у которой чешуя слезала вместе с посеревшей, рыхлой мякотью.

— Всё, что стало мягким, где мясо расползается или отходит от костей — немедленно в отдельную бадью! Жрать это категорически нельзя! Внутри уже выработался яд, который не разрушит ни один костёр. Смысл солить или варить отраву?

— А что жрать-то тогда?! — возмутился Кнут, бросив вёдра. — Мы так треть бочки выкинем!

— Лучше быть голодным, чем умереть, — жёстко осадила я парня, отчего тот аж поперхнулся. — Гниль пустим на весеннее удобрение для земли или вытопим из неё технический жир для светильников. А в еду берём только упругие тушки из нижних и средних слоёв. Те, что задохнулись без соли и покрылись слизью, но внутри остались плотными и розовыми.

— И как мы их сохраним без соли? — тихо спросила Руна.

— Мы их сварим, — ответила я.

— Сварим? — Кнут уставился на меня как на умалишённую. — А дальше что?

— Можжевельник — это чудо-трава, — я забрала у него принесённые ветки. — Его эфирные масла убьют остатки поверхностных бактерий и душок. Мы наварим густого, плотного варева, прямо с костями. Потом перельём эту кашу обратно в вымытые бочки и выставим на мороз.

— Она замёрзнет... — прошепелявила старушка Рагна.

— Превратится в сплошные ледяные глыбы, — подтвердила я. — Нам не нужно будет её чистить или долго готовить. Просто откололи топором кусок этой рыбной каши, бросили в котелок, разогрели и безопасная, сытная похлёбка готова.

Спустя несколько часов мы затащили тяжёлые котлы в дом, наполнили их водой, отобранной «здоровой» рыбой и можжевельником. Но стоило нам развести под ними сильный огонь, как длинный дом превратился в газовую камеру.

Сырые дрова зашипели, выплёвывая клубы густого, сизого дыма. Он не уходил в дыру на крыше, а тяжело оседал вниз, разъедая глаза. Люди на лавках надрывно закашляли. Я прикрыла рот окровавленной тряпкой, чувствуя, как начинают слезиться глаза. Очаг здесь представлял собой просто груду камней в центре земляного пола. Жар уходил в никуда, а дым стелился по низу.

В голове всплыло яркое, почти осязаемое воспоминание. Детство. Деревня под Воронежем, старый дом моей бабушки. В центре избы стояла она — русская печь. Бабушка рассказывала, что печь это не просто костёр. У неё есть правильная аэродинамика и «зуб» — внутренний порожек в дымоходе, который не даёт холодному воздуху опускаться вниз, а дыму вываливаться в комнату.

— Гасите огонь! — прохрипела я сквозь кашель. — Кнут, тащи с берега плоские каменные плиты. Руна, собирай золу из старых кострищ! Рагна, тащи глину из запасов!

— Какая глина на ночь глядя?! Рыба протухнет! — взвыла

Рагна.

— Сначала надо спасать очаг, иначе мы задохнёмся раньше, чем она сварится! — я опустилась на колени прямо в сажу, безжалостно раскидывая тлеющие поленья палкой. Олаф, увидев, что я творю, попытался было возмутиться из своего угла, но я лишь злобно зыркнула на него сквозь слезящиеся глаза, и он заткнулся.

Когда Кнут и ещё парочка мужиков, не выдержавших удушья, притащили тяжёлые плоские камни, я принялась командовать:

— Складываем крупные валуны плотной буквой «П» вокруг огнища! Выше, мне по пояс! Нам нужно наглухо закрыть подсос воздуха с боков и сзади.

Камни были тяжеленными, скользкими от снега. В какой-то момент булыжник вырвался из моих окоченевших пальцев и с глухим стуком рухнул мне на ногу. Я прикусила губу до крови, подавив стон, только чудом не переломав пальцы сквозь грубую кожу ботинок.

— Теперь плитняк! — скомандовала я Кнуту. — Выкладывай заднюю стенку над огнём ступеньками вперёд, напускным сводом! Каждый верхний камень должен немного нависать над нижним, чтобы получился каменный козырёк, направляющий поток к дыре в крыше! Задние края плит прижимайте тяжёлыми валунами для противовеса, чтоб не опрокинулись!

— А глина зачем? — тяжело дыша, спросил Олаф, кото-

рый всё-таки приковылял ближе, заинтересованно разглядывая нашу странную кладку.

— А глиной, густо замешанной с золой, мы замажем все щели в камнях снаружи и с боков, — объяснила я, быстро работая руками.

Это выглядело грубо и массивно, но законы термодинамики не зависят от красоты. Мы создали сужающийся каменный зев с направляющим козырьком.

Когда мы снова зажгли дрова и водрузили котёл, я затаила дыхание.

Первые струйки дыма лениво потянулись вверх. Огонь лизнул дрова, разгорелся... Холодный воздух с пола мощным потоком втянулся в открытую переднюю часть нашей каменной «будки». Ударяясь о ступенчатый каменный козырёк, горячий воздух ускорялся и, подхватывая весь дым, плотным, ровным столбом устремился вверх — точно в отверстие на крыше.

Люди на лавках затихли. Кашель стал реже. От нагревающихся массивных камней в помещение пошло густое, мягкое тепло, а вскоре к нему примешался пряный аромат варёной рыбы с можжевельником.

Я обессиленно привалилась к деревянной опоре, вытирая перепачканное сажей лицо. Получилось.

Я уже закрыла глаза, позволив долгожданному теплу окутать промёрзшее тело, как снаружи, разрывая тишину фьорда, раздался дикий, истошный женский крик.

— Помогите! Помогите! Свен! Све-е-ен!

Звук был таким полным нечеловеческого ужаса, что у меня внутри всё оборвалось. Я резко распахнула глаза и, расталкивая вскочивших людей, бросилась сквозь толпу прямо к выходу.

Глава 5

Я вылетела на морозный воздух, едва не споткнувшись о высокий порог. Ледяной ветер тут же швырнул в лицо колючую снежную крупу, заставив закашляться.

Крик доносился от дальнего края поселения, где у кромки подмёрзшего ручья стоял старый сарай для лодок. На снегу билась в истерике молодая женщина в разодранной шали. А рядом с ней, привалившись спиной к перевёрнутой лодке, сидел мужчина. Тот самый Свен, чьё имя она кричала.

Он держался обеими руками за правое бедро, а между его пальцев, толчками выплёскивалась тёмно-алая кровь. Она мгновенно впитывалась в серый снег, превращая его в багровую кашу. Рядом валялся тяжёлый топор для рубки льда с окровавленным лезвием. Мужик явно поскользнулся на обледенелом камне, когда колол прорубь для пресной воды.

Вокруг уже начали сбегаться люди. Кто-то охал, кто-то беспомощно топтался на месте. Олаф, прихрамывая, спешил от дома.

— Зажми! Зажми рану, Астрид, дура! — заорал он на плачущую женщину.

Рыдая, она схватила с земли какой-то грязный, промёрзший ком мха вперемешку с землёй и попыталась вжать его прямо в зияющую рану мужа. Свен откинул голову и глухо, по-звериному завыл от боли.

— Не трогай! — мой голос сорвался на визг. Я влетела в толпу, отпихнув плечом рыдающую Астрид... — Убери грязь.

— Кровь остановить надо! Злая кровь течёт, земля заберёт! — заголосила какая-то старуха, протягивая к ране грязную тряпку.

— Пошли вон! — рявкнула я так, что старуха отшатнулась. — Руна! Беги в дом, тащи сюда ведро с горячей кипячёной водой от очага! Живо! Кнут, держи его за плечи, чтобы не дёргался!

Я упала на колени в остывающий, пропитанный кровью снег. Руки, перемазанные глиной и рыбьей чешуёй, тряслись, но делать было нечего. Я нащупала пальцами место выше пореза, почти в самом паху, где бедренная артерия проходила близко к кости, и надавила туда всем своим весом.

Свен вскрикнул, дёрнулся, но Кнут навалился на него сверху, прижимая к лодке.

Прямое давление сработало. Пульсирующий фонтан тёмной крови замедлился, превратившись в вялую струйку. Но держаться так вечно я не могла.

— Мне нужна чистая ткань! — крикнула я, не оборачиваясь. — Не тряпьё с пола, а чистое полотно!

Толпа молчала. В этом нищем, брошенном поселении само слово «чистое» давно забыли. Люди годами носили одну и ту же одежду, пропитанную потом, жиром и копотью.

Чертыхнувшись сквозь зубы, я перехватила вену одной

рукой, а другой ухватила подол своей собственной нижней льняной рубахи и дёрнула изо всех сил, так что ткань треснула. Оторвав широкую белую полосу, я свернула её в тугой валик.

— Я здесь, — крикнула Руна, волоча за собой тяжёлый ковш с дымящейся водой, в которой плавали ветки можжевельника.

— Лей! — приказала я. — Прямо на рану! Смывай грязь!

— Она же кипяток почти, госпожа! — ужаснулась девушка.

— Лей, я сказала! Либо ожог, либо заражение крови и смерть!

Руна зажмурилась и плеснула горячим хвойным отваром прямо на распоротое бедро Свена. Мужик выгнулся дугой, его крик сорвался на хрип, он потерял сознание от болевого шока. Это было даже к лучшему, тело обмякло, перестало сопротивляться.

Тщательно вымыв остатки грязи из раны, я вложила свой льняной валик прямо в разрез и туго, изо всех сил, перебинтовала ногу оставшимся куском рубахи. Кровь перестала течь, лишь медленно проступала розовым пятном сквозь белую ткань.

— Несите его в дом, — тяжело дыша, произнесла я, поднимаясь на ноги и вытирая пот со лба окровавленной тыльной стороной ладони. — Положите поближе к очагу. И чтобы никто не смел трогать рану своими грязными руками.

Когда Свена унесли, я осталась стоять у ручья. Опустила взгляд на свои руки. Они были чёрными. Земля, рыбья слизь, засохшая кровь, сажа от глиняной мазанки.

Я перевела взгляд на людей, бредущих обратно к теплу. На их лица, шеи, руки, покрытые вековой коркой грязи. Они ели этими руками. Они трогали ими детей. Они лезли ими в открытые раны, искренне веря, что «землица исцелит».

Мы могли построить десять идеальных очагов и наварить тонны безопасной рыбы. Но если они продолжат жить в этом дерьме, первая же кишечная инфекция, дизентерия или сепсис убьют половину длинного дома ещё до середины зимы. В моём цеху за грязный ноготь отстраняли от смены. Здесь за это платили жизнью.

В ту же ночь я объявила войну.

— С этого дня, — мой голос разнёсся по дому, пока люди хлебали горячую рыбную похлёбку, — ни один человек не прикоснётся к еде, пока не вымоет руки.

Со стороны лавок послышался недовольный гул. Олаф, шумно сёрбая из деревянной миски, нахмурился:

— Чего ещё выдумала? Зима на дворе, вода ледяная. Кожу с рук сдирать ради твоей дурости? Мы не белоручки городские, предки наши так жили, и мы проживём.

— Ваши предки гибли в тридцать лет от горячки, — отрезала я, выходя в центр к очагу. — Свен сейчас лежит в бреду не потому, что духи гневаются. А потому, что вы ему в открытое мясо гнилой мох пихали! Ещё раз увижу, что кто-

то зачерпнул воду из общего ковша грязной кружкой или сел есть с немытыми руками лишу пайки на сутки.

— Да чем мыть-то, госпожа? — хрипло спросила Рагна, укачивая на руках кашляющего младшего внука. — Водой простой эта грязь не берётся.

— Значит, сварим мыло, — просто ответила я.

На следующий день я организовала новое производство. Технология была элементарной, из первого курса органической химии, но для местных она выглядела как чистое колдовство.

Я заставила Кнута и ещё двух мальчишек выгрести из очага всю белую древесную золу, какая только была. Мы засыпали её в деревянную кадку, залили кипятком и оставили настаиваться.

— Что это будет? — Руна с любопытством заглядывала в серую, мутную жижу.

— Щёлок, — объясняла я, помешивая раствор палкой. — Если эту воду процедить, она станет едкой. Она жжёт язык и щиплет глаза. Но если соединить её с жиром и долго варить... произойдёт чудо.

С жиром была беда, здорового скота у нас не осталось. Но в дальнем углу кладовой я нашла две треснувшие кадки со старым, прогорклым овечьим смальцем. Для еды это был яд. Для мыловарения — идеальное сырьё.

Мы поставили на очаг наш самый большой котёл. Вылили туда жёлтый, вонючий жир и начали порциями, осторожно

вливать процеженный прозрачный щёлок, непрерывно помешивая.

В дымоход потянулся специфический, резкий запах варившегося мыла. Я стояла над котлом два часа, засекая время по внутренним часам, пока жирная бурая масса не начала густеть, пузыриться и отставать от стенок, превращаясь в однородную, скользкую пасту.

— Готово, — выдохнула я, утирая пот с носа.

Это не было ароматным розовым мылом из супермаркета. Это было настоящее тёмно-коричневое мыло, мягкое, маслянистое на ощупь, пахнущее костром и овчиной. Но когда я зачерпнула горсть этой остывающей пасты, подошла к ведру с тёплой водой и намылила руки, Руна и Рагна ахнули.

Паста дала густую, сероватую пену. Я с силой потёрла свои ладони, смывая вековую грязь и въевшуюся сажу. Когда я сполоснула руки, кожа на них стала чистой, до скрипа, розовой и свежей.

— Магия... — прошептала Руна, завороженно глядя на мою белую ладонь.

— Никакой магии. Омыление жиров, — устало улыбнулась я.

Я поставила деревянное корыто с мыльной пастой прямо у входа в длинный дом. Рядом Кнут по моему приказу водрузил бочку с чистой водой, которую мы теперь непрерывно кипятили на очаге и остужали.

— Каждый, кто входит с улицы, берёт голыш мыла и моет

руки до локтей, — объявила я. — И пить воду сырой из ручья отныне запрещено. Только кипячёную из большого котла. Кто нарушит, будет иметь дело со мной.

Мужики ворчали. Олаф плевался и называл это бабской дурью. Но прошло четыре дня. Свен, у которого от чистой повязки и промывания раны так и не началась гнилостная лихорадка, пошёл на поправку.

Они ещё не понимали физики и микробиологии. Но они видели результат. И когда суровый Олаф, вернувшись с берега, нехотя подошёл к корыту, зачерпнул коричневой пасты и принялся с хмурым видом тереть свои грубые, заросшие волосами руки перед ужином — я поняла, что этот цех я всё-таки взяла под контроль.

Глава 6

Прошло несколько дней. Однообразные, суровые будни слились в непрерывную череду тяжелого труда, где не было места жалости к себе. Наш обновлённый очаг гудел, исправно отдавая тепло массивным камням. Длинный дом начал оживать: мы перебрали остатки подмокшего зерна, просушив каждую горсть, женщины целыми днями шили и латали тёплую одежду из старых шкур, а я сварила ещё одну огромную бадью коричневого мыла.

Но как технолог, да и в принципе образованный человек из двадцать первого века, я понимала, что на одних ледяных рыбных глыбах и жалких крохах овсяной каши мы долго не протянем. Наш рацион был катастрофически беден. Когда утром Кнут, откусив кусок сушёной лепёшки, сплюнул на снег розовой слюной с кровью, я поняла, что нам осталось совсем немного до цинги и других болезней. Ещё неделя такого питания, и у людей начнут гнить дёсны, шататься зубы, а суставы распухнут от внутренней нехватки витаминов. Нам срочно нужны были другие источники питательных веществ.

— Сегодня мы вскрываем все дальние хозяйственные постройки, амбары и земляные погреба. Перероем всё до основания, — объявила я, собрав людей в центре дома.

— Ульф выгреб всё до последнего ржавого гвоздя, — привычно заворчал Олаф, тяжело опираясь на лопату. — Нечего

людей зря по морозу таскать и двери ломать. Силы беречь надо! Глядишь, в тепле на рыбной похлёбке до весны и доживём.

Я медленно подошла к нему, вытирая руки чистой тряпкой, и посмотрела в лицо в упор.

— Интересно ты заговорил, Олаф, — начала я. — Ещё совсем недавно ты собирался покорно подыхать до Йоля, а теперь уже до весны прожить хочешь? Сядь и молчи. Если хочешь выжить не только до весны, но и до самого лета, будешь делать ровно то, что я скажу.

В доме повисла тишина. Олаф насупился, упрямо стиснул зубы и заиграл желваками, но перечить не посмел. Развернулся и молча взял тяжёлый лом.

Я отобрала шестерых самых крепких людей, включая Олафа и Кнута, и мы вышли на улицу. Инвентаризация разграбленного хозяйства представляла собой жалкое зрелище. Мы взламывали подмёрзшие деревянные двери амбаров, но внутри нас встречала лишь паутина и пыль.

Надежда появилась лишь тогда, когда мы откопали вход в дальний земляной погреб, устроенный на склоне холма. Осветив закрома масляным светильником, я шагнула в угол и зацепила носком сапога что-то твёрдое под толстым слоем промёрзшего песка и рогожи.

— Копайте здесь! — приказала я.

Мы начали остервенело разгребать песок руками и лопатами. Под ним оказались старые запасы корнеплодов, кото-

рые люди Ульфа попросту не заметили в темноте или поленились откапывать: мелкая, сморщенная репа и с десяток крупных клубней брюквы. Это было то, что нужно. А рядом, в истлевшем мешке, мы нашли полведра старого овсяного жмыха и прелое сено.

— Жаль, Ульф скотину всю увёл, — махнула я рукой.

— Не всю, госпожа, — вдруг робко отозвался кто-то за спиной.

Вперёд шагнула тихая, забитая женщина по имени Сигрид. Она нервно теребила край шали и с опаской поглядывала на Олафа.

— Когда драккары Ульфа только вошли во фьорд, я поняла, что они всё заберут. Я завязала морду своей Белянке, чтобы не блеяла, и увела её по льду на ту сторону фьорда. Там, в скалах, есть глухая пещера... Коза там спрятана. Живая. Я ей последние дни снег носила, да только кормить её больше нечем, тощая стала, как скелет.

— Коза?! — я едва не задохнулась от радости. — У нас есть живая коза?

Это меняло всё. Козье молоко — это идеальный, легкоусвояемый белок и жиры, которые спасут наших больных детей от истощения.

— Слушайте меня внимательно, — быстро распорядилась я. — Нарубите сено мелко, запарьте его кипятком с овсяным жмыхом. Найденную репу и брюкву делим ровно пополам: одну часть на рагу для людей, вторую отварить и отдать ко-

зе. Белянку немедленно перевести в дом, за перегородку. В тепле и на варёном корме она быстро восстановится.

Продолжая обход усадьбы, я обратила внимание на странный холм за кузницей, сложенный из дёрна и камней, из верхушки которого торчала деревянная труба.

— Что это за постройка? — спросила я, подходя ближе.

— Так коптильня же наша, — угрюмо отозвался Олаф. — Только толку от неё теперь никакого.

— Почему она стоит пустая? — я повернулась к мужикам. — Почему вы не коптили рыбу с самого начала, вместо того чтобы гноить её в бочках?

— Да потому что Ульф, будь он проклят, перед уходом всё тут разворотил! — в сердцах сплюнул Олаф. — Он мастеров-коптильщиков с собой забрал, а подземный дымоход кувалдами пробил и завалил, чтоб мы тут от холода и голода передохли. Да и тухлую рыбу коптить — только дрова тратить.

Опустившись на колени перед топкой, я заглянула внутрь, затем обошла холм и внимательно изучила провал в земле.

— Ульф ваш, может, и сволочь, но инженер из него никудышный, — усмехнулась я и отряхнула ладони от земли. — Он просто обрушил перекрытие траншеи, по которой шёл остывающий дым, и выбил тяговую заслонку в самой камере.

— И как её починить?

— Нужно выгрести обвалившуюся землю из траншеи, выложить канал заново плоским плитняком и густо обмазать

глиной. А в самой камере повесим новую заслонку из плотной шкуры или доски.

— Сделаем! — вдруг рявкнул Олаф и первым вонзил лопату в подмёрзшую землю обвала. — Кнут, не стой столбняком, тащи камни!

Когда ремонт коптильни закипел под руководством Олафа, я поняла, что пора решать проблему витаминов радикально.

— Кнут! Как закончите с каналом, бери ещё двух человек и идите в лес, — скомандовала я. — Рубите хвойные лапы, сосну, ель, можжевельник. Всё, до чего дотянетесь. Можжевельник пойдёт на щепу для коптильни. А молодую сосновую хвою мы будем заваривать в котле. С сегодняшнего дня каждый пьёт по две кружки хвойного отвара в день.

— А мы с тобой, госпожа, что делать будем? — спросила подошедшая Руна.

— А мы берём всех свободных женщин, корзины и идём на берег фьорда, — я поправила тёплую накидку. — Нам нужна морская капуста.

— Водоросли? — скривилась Руна. — Они же сопливые и мерзкие.

— Это не сопли, Руна, это наше спасение, — отрезала я. — В варёном виде с рыбным бульоном и репой это будет отличная похлёбка. За мной!

Мы спустились к самой кромке ледяной воды. Во время отлива обнажились чёрные, скользкие камни, густо порос-

шие бурыми лентами ламинарии. Ледяной ветер пробирал до костей. От контакта с ледяной водой пальцы краснели и переставали слушаться, но мы упрямо срезали ножами длинные, упругие водоросли и складывали их в плетёные корзины.

Нагнувшись над огромным валуном, наполовину уходящим в ледяную воду, я попыталась срезать особенно крупный, мясистый пласт ламинарии. Но подтянув тяжёлую бурую ленту к себе, я почувствовала явное сопротивление. Водоросль за что-то зацепилась в воде между камней.

Тогда я потянула сильнее. Поверхность фьорда разошлась кругами, и из ледяной воды вместе с пучком морской травы показалась человеческая рука.

Я вскрикнула и отшатнулась, едва не поскользнувшись на мокрых камнях. Руна и остальные женщины замерли и с ужасом уставились в воду. Между камней, запутавшись в длинных водорослях, лежал мёртвый мужчина. Я видела его посиневшую от холода кожу и пробитую копьём грудь, на которой красовалась кожаная куртка гербом — чёрным вороном.

Труп был свежим, этот человек пробыл в воде не больше суток.

Не успела я осмыслить пугающую находку, как сквозь густую пелену ледяного тумана, висевшего над фьордом, донёсся новый, леденящий душу звук.

Плеск. Плеск. Плеск.

Из серой мглы, прямо на наш берег, бесшумно выплывал

длинный боевой корабль с поднятыми носовыми щитами. К нам кто-то шёл. И судя по мертвецу в воде, эти гости не несли с собой ничего хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.